

Перевод поэзии как особая дискурсивная практика
(на материале русских переводов современной
англоязычной поэзии) *

М. А. Тарасова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Выявляются типологические особенности языка переводной поэзии в сопоставлении с языком оригинальной поэзии, языком рекламы и СМИ, рассматривается ряд языковых параметров, позволяющих выделить данный класс текстов как особую дискурсивную практику. Наиболее важным из них является способность современных переводных поэтических текстов отражать потенциальность системы принимающего языка. При этом для современной переводной поэзии характерна высокая концентрация потенциальных слов и форм.

Также выявляются такие важные особенности текстов переводной поэзии, как отсутствие заимствованных языковых элементов (лексем, морфем и т. д.) и малое число окказиональных форм. В современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование средств исключительно принимающего

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

Тарасова М. А. Перевод поэзии как особая дискурсивная практика (на материале русских переводов современной англоязычной поэзии) // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 269–281.

языка и реализацию новых словоформ, развивающих заложенные в языковой системе возможности.

Современная переводная поэзия является особой дискурсивной практикой, в которой максимально проявляется феномен потенциальности, обусловленный как языковыми факторами, так и особой моделью адресации на грани обычной коммуникации и поэтической автокоммуникации.

Ключевые слова: дискурсивная практика, перевод, язык поэзии, потенциальность, окказионализм.

УДК 81.42

Контактная информация: Тарасова Мария Алексеевна, кандидат филологических наук, редактор журнала «Вопросы филологии», сотрудник ИЯ РАН (ул. 2-я Бауманская, 9/23, Москва, 105005, masha.tarasova@mail.ru)

В статье рассматриваются типологические особенности переводной поэзии, выявляется ряд языковых параметров, позволяющих выделить данный класс текстов как особую дискурсивную практику. Такой подход позволяет отойти от сложившейся в отечественном переводоведении традиции интерпретации перевода художественной литературы с позиций оценки его результатов, т. е. в терминах адекватности, эквивалентности, полноценности (В. Н. Комиссаров, В. С. Виноградов, Л. С. Бархударов и др.), и иных способов измерения отношений между оригинальным и переводным текстами, так как он не может использоваться при комплексном анализе языка переводной поэзии, который обладает рядом специфических черт по отношению к переводным художественным текстам (и это не раз отмечалось теми же исследователями) и языку оригинальной поэзии.

Важнейшей чертой языка поэзии является несводимость значений слов к их словарным дефинициям и мотивированность каждого знака целым текстом. Здесь уместно вспомнить тыняновский принцип «тесноты и единства стихотворной строки» [Тынянов, 1993, с. 49], который состоит в том, что каждое слово в поэтическом тексте зависит от всех значений прилегающих к нему слов и определяется множественными характеристиками целого текста. Именно в этом законе и заключается основное различие поэзии и прозы: «Поэтический текст, спрессованный ритмической, фонической <...> системами, образует как бы особый сверхсмысловой плазменный сгусток, в котором каждый элемент (будь то целая строка, слово, морфема или даже фонема) сопрягается по вертикали и горизонтали с каждым другим элементом и обретает <...> дополнительное и многослойное значение» [Гончаренко, 1999, с. 78].

Это свойство поэтического языка хотя и не игнорируется отечественным переводоведением, но приводит его к теории трансформаций, которая не рассматривает язык переводной поэзии как целое, а сосредотачивает

внимание на сопоставлении отдельных текстов: оригиналов и их переводов с целью выявления переводческих удач / неудач.

Таким образом, применение лингвопоэтического метода, понимаемого нами как «выявление мотивированности языковых единиц всех уровней в их проекции на целый текст» [Азарова, 2010, с. 13], к анализу переводных поэтических текстов поможет системно осмыслить типологические особенности языка переводной поэзии в сопоставлении с языком оригинальной поэзии, а также другими дискурсивными практиками (например, языком СМИ и рекламы).

Современная наука о языке выделяет поэтический язык как подсистему общенационального языка [Ревзина, 1998] и выявляет ряд его специфических свойств. «В прозе возможности языка «сдерживаются» модусом внеязыкового существования, в стихе модус собственно языкового существования высвобождает раскрытие языковых потенций» [Там же, с. 22]. При этом «поэзия является той сферой языка, в которой общие тенденции его развития проявляют себя быстрее всего и наиболее явно, чем в других сферах» [Фатеева, 2006]. Именно в языке поэзии *потенциальность* реализуется в полной мере. Отношение поэта к языку как к системе возможностей формирует режим потенциальности поэтического текста, т. е. режим, благоприятствующий и способствующий возникновению потенциальных слов и форм.

Также следует понимать, что потенциальные явления в языке опираются на системно заданные свойства языка; в творчестве находят отражение «языковые тенденции, проявленные в нормах и правилах употребления единиц языка» [Демьянков, 2009, с. 19], что реализуется одновременно во всех подсистемах. Все подсистемы языка находятся в постоянном динамическом взаимодействии с общенациональным языком, образуют зону его потенциальности. Потенциальность по отношению к языку поэзии можно понимать «как актуализацию заложенных в общезыковой системе механизмов и отношений, а с другой стороны, как возникновение вербальных форм, представляющих собой новую сферу потенциальности для общенационального языка» [Азарова, 2010, с. 196].

Необходимо отметить, что не только поэзия, но и другие дискурсивные практики отражают потенциальность языковой системы. Е. Н. Ремчукова говорит о творческих типах речи, относя к ним как разговорную речь (при наличии у индивидуума лингвопроективного мышления), так и язык СМИ, и художественные тексты в целом [2005].

Особый интерес представляет рассмотрение языка перевода, и в особенности перевода поэзии, с этих позиций, так как именно в процессе перевода постоянно возникает необходимость выражения не свойственных принимающему языку понятий и представлений, слов и грамматических конструкций. Однако способность к такому выражению «является имманентной составной частью любой языковой системы», вследствие того, что

«каждый язык обладает необходимыми потенциальными средствами» [Каде, 1978, с. 78], которые задействуются при переводе.

При этом в языке переводной поэзии будут возникать именно потенциальные формы, так как «из всех видов речевых произведений акты перевода наиболее обусловлены, поскольку, помимо ограничений, налагаемых системой языка перевода, они еще дополнительно детерминированы сознательным стремлением переводчика <...> как можно полнее воспроизвести содержание текста оригинала <...> не нарушая норм языка перевода» [Комиссаров, 1970, с. 48].

В переводных поэтических текстах нарушения норм языка не происходит по причине того, что ведущим здесь будет критерий понятности для адресата [Азарова, 2012].

Таким образом, перевод, и прежде всего перевод поэзии, является дискурсивной практикой, в которой постоянно актуализируется потенциальность принимающего языка. Это определяется такими коммуникативными и языковыми факторами, как столкновение языков (переводчику требуется передать слово, форму или конструкцию, не свойственную принимающему языку); стремление переводчика передать максимальное количество особенностей оригинала – языковых и формальных (ритм, длина строки и др.); понятность для адресата; отношение поэта к языку как к системе возможностей.

В то же время «в любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала» [Радбиль, 2012, с. 3]. Иными словами, во всех подсистемах языка находит отражение и потенциальность языковой системы, и окказиональность в широком смысле. При этом граница между потенциальным и окказиональным пролегает в области как языковых нарушений, так и нарушений восприятия – многие окказиональные слова и конструкции могут быть непонятны адресату. Выявление соотношения потенциального и окказионального в текстах современной переводной поэзии и текстах оригинальной русской поэзии также поможет нам уточнить типологические особенности данных дискурсивных практик.

Рассмотрим пример перевода Ники Скандиаки текста Брайана Коффи, иллюстрирующий высокую концентрацию потенциальных форм в переводном поэтическом тексте:

*floating past like who
unarrested pace on*

*проплывая как те что
несхвачены и спешат*

<i>to an after stilled in body</i>	<i>в после молчное в теле</i>
<i>from a before body filled</i>	<i>из алчного полного тела до</i>
<i>Now all dust breeze cries</i>	<i>Всё пыль бриз крик</i>
<i>bird-shadow wheel-slur surge</i>	<i>птицетень схлёб колеса взлёт</i>
	<i>волн</i>
(В. Coffey)	(Коффи, пер. Н. Скандиаки).

В данном отрывке стихотворения реализуются потенциальные слова и грамматические формы, причем концентрация их высока: в шести стихотворных строчках реализуются 4 потенциальные формы в оригинале и 5 – в переводе.

Количество потенциальных слов и форм в переводе превышает их количество в оригинале. Это обусловлено тем, что запущенный механизм *потенцирования* проявляется в поиске потенциальных соответствий узуральным словам и формам оригинала.

В языке русской переводной поэзии отдается предпочтение потенциальным словам и формам по отношению к окказионализмам. Однако и в переводных поэтических текстах могут возникать окказиональные слова и формы, правда, это окказионализмы особого рода, с низкой *степенью аномальности*, не нарушающие критерии понятности и прозрачности внутренней формы. Такова, например, словоформа *молчное* из приведенного выше текста: *to an after stilled in body – в после молчное в теле*.

Still может переводиться на русский язык как существительным (*тишина, безмолвие*), так и прилагательным (*бесшумный, тихий, безмолвный*) в зависимости от синтаксической функции. Соответственно на первый взгляд может показаться, что создание в английском тексте потенциально-прилагательного *stilled* семантически избыточно. Однако нам представляется, что здесь с помощью суффикса *-ed* автор создает прилагательное, обладающее значением максимальной выраженности признака. Русское субстантивированное прилагательное среднего рода *молчное* обладает даже большей семантической нагруженностью, чем английское *stilled*. Особое значение здесь приобретает род данного прилагательного: «средний род обладает не только семантикой обобщения, но и потенциалом абстрагирования», «маркирует понятийность и отвлеченный характер семантики» [Азарова, 2010, с. 133–134].

В переводных поэтических текстах функционируют окказионализмы особого рода, созданные при помощи наложения потенциальных явлений в области словообразования и грамматики. Так, *молчное* отражает сразу два активных языковых процесса: образование потенциальных прилагательных и субстантивацию.

Сравнение употребления потенциальных и окказиональных форм в оригинальной русской и переводной поэзии одного и того же времени

показало, что для переводных поэтических текстов характерна невысокая степень окказиональности форм, в то время как в оригинальной русской поэзии функционируют окказионализмы с высокой степенью аномальности, нарушающие критерий понятности. В языке оригинальной русской поэзии подобные окказионализмы превалируют над потенциальными формами, что объясняется разными стратегиями отправителя сообщения, выступающего в коммуникативном акте в роли поэта и / или переводчика. В переводной поэзии формируется особая коммуникативная стратегия, отличающая ее от поэтического дискурса в целом. В оригинальной поэзии коммуникативная стратегия обусловлена особой моделью адресации, выраженной в том, что поэт ориентирован на автоадресацию и понижение роли адресанта в коммуникативном акте или даже намеренное вытеснение его за границы интеракции. В переводных поэтических текстах формируется другая модель адресации, при которой переводчик одновременно является и автором «своего» поэтического текста и посредником между автором оригинала и адресатом. Двойственность роли переводчика и обуславливает модель адресации на грани обычной коммуникации и поэтической автокоммуникации.

Особый интерес представляет сравнение текстов тех авторов, которые выступают то как переводчики, то как оригинальные поэты. В их оригинальных текстах больше девиаций и меньше форм и конструкций, заданных системой языка, в то же время в переводной поэзии те же самые авторы реализуют потенциальные возможности принимающего языка. В переводных поэтических текстах переводчик, с одной стороны, связан ограничениями, налагаемыми оригиналом, а с другой стороны, не может нарушить критерий понятности для адресата, в то время как в оригинальном творчестве поэт ищет новые формы выражения, стремится расширить границы языковой нормы.

Хотя в языке оригинальной русской поэзии, безусловно, тоже реализуются потенциальные формы и конструкции, но все-таки в них окказиональное превалирует над потенциальным, в переводной поэзии наоборот. Подробный анализ творчества Н. Скандиаки выявил 10 окказионализмов с низкой степенью аномальности в ее переводах и примерно 40 потенциальных форм. В переводах не было обнаружено окказионализмов, нарушающих критерий понятности, в то время как в ее оригинальных текстах количество окказиональных форм с высокой степенью аномальности в 3 раза больше, чем число потенциальных:

пронозливым ухом пифии-горгоны

прогнозливым голосом. погромы. [?gormony] (Н. Скандиака).

В приведенном примере оба новообразования – явно окказиональны: *пронозливый* образовано от несуществующего корня, в прилагательном *прогнозливый* (от существительного *прогноз*) хотя и соблюдена существующая норма (суффикс *-лив-*, являясь продуктивной словообразователь-

ной единицей, участвует в образовании прилагательных со значением «склонный к чему-либо, характеризующийся наличием в большой степени, в изобилии чего-либо, названного мотивирующим словом» [Ефремова, 2005, с. 252]), нарушена лексическая сочетаемость и логика: голос, характеризующийся большим количеством прогнозов, вряд ли может объективно существовать. Вследствие этого в обоих случаях отсутствует критерий понятности. В то же время можно привести примеры потенциальных слов в оригинальных текстах Н. Скандиаки: *вас содержат в существе // безлизовый // [ответ растения] растите / декоративность. Безлизовый* создано по продуктивной модели (*безрельсовый, бесклассовый* и т. д.), не нарушает системных закономерностей и критерия понятности.

В языке рекламы, PR и СМИ максимально выражена установка на адресата: данные тексты должны не только быть понятными, но и обладать экспрессивностью для привлечения внимания аудитории. «Оказание информационного, эмоционального и эстетического воздействия на адресата становится возможным благодаря активизации механизмов деформации языковых средств всех уровней» [Соколова, 2014, с. 252]. Таким образом, в рамках данных дискурсивных практик авторы, с одной стороны, активно используют окказиональные образования с целью привлечения внимания, с другой стороны, эти окказионализмы не нарушают критерий понятности, как это происходит в языке оригинальной поэзии. Как указывает Н. С. Валгина, СМИ активизируют процессы словотворчества на обширном языковом материале, как реализуя потенциал языка, так и порождая окказионализмы [2003, с. 133].

Статья Дмитрия Великовского, посвященная предоставлению Эквадором дипломатического убежища основателю WikiLeaks Джулиану Ассанжу, озаглавлена окказионализмом *убеженец*, образованном контаминацией узуальных *беженец*, *убежище* и *убегать*. Сближение слова в семантическом плане со словами *убежище* и *убегать* вносит новые смысловые компоненты, уточняя, каков характер бедствия: условия, при которых человек вынужден «быть в бегах», скитаясь по свету, от «британской Фемиды» – и какова цена спасения – провести большую часть жизни в убежище. При этом окказионализм *убеженец*, ассоциативно связанный со словом *убежище*, отсылает к политической подоплеке конфликта, ставшего причиной описываемых событий, поскольку существует устойчивое сочетание *политическое убежище*.

Такой окказионализм, бесспорно, не нарушает критерия понятности, как и окказионализмы в языке переводной поэзии, однако последние созданы по продуктивным словообразовательным моделям, но с небольшими нарушениями и являются отражениями активных общезыковых процессов, *убеженец* же образован по неузуальной словообразовательной модели, соответственно степень его аномальности выше. Подобные новообразования скорее характерны для языка оригинальной поэзии.

Еще один пример из текста СМИ содержит новообразование *гиперподключенность*: *Гиперподключенность как мировоззренческая концепция Nortel находит отражение в ее стратегии*. По нашему мнению, оно занимает промежуточное положение между потенциальными и окказиональными словами: оно образовано по продуктивной модели с суффиксом *-ость*, при этом, однако, используется иноязычная приставка *гипер-* – использование иноязычных морфем еще трудно отнести к продуктивным словообразовательным моделям: они, бесспорно, все более активно входят в нашу речь, но называть большинство из них регулярными или закрепившимися в языке пока преждевременно. Именно это и отличает данное новообразование от подобных в текстах переводной поэзии, где не используются заимствования.

В слогане рекламной компании 7-ур *Жаропонижающий жаждоутолитель* задействовано новообразование *жаждоутолитель*, образованное с помощью словосложения и суффиксации (*-тель*), – обе модели, а также их соединение продуктивны в узуальном словообразовании, на основании чего мы можем считать данное слово потенциальным. Аналогичные примеры можно найти в языке переводной поэзии: *Sky-born and royal*, // *snake-choker*, *dung-heaver*, // *his mind big with golden apples*, // *his future hung with trophies* – *Небороденный, царственный воин*, // *змеедушитель, навозовздыматель*, // *упитанный яблоками золотыми, увенчанный будущей славой* (S. Heaney) (пер. Г. Кружкова).

Таким образом, для каждой из рассматриваемых нами дискурсивных практик возможно функционирование новообразований с разной степенью аномальности, что может быть представлено в виде схемы.

Шкала степени аномальности новообразований в разных дискурсивных практиках

В отношении заимствований разные дискурсивные практики также будут демонстрировать разные стратегии. В языке переводной поэзии ведущим является стремление наиболее точно передать значение каждой

единицы оригинала, при отсутствии прямого лексического эквивалента переводчику приходится прибегать к созданию нового слова из наличного языкового материала по известным типам, уже существующим в языке, но не путем заимствования готовых слов. Сама возможность заимствования, если речь не идет о безэквивалентной лексике, отражающей культурные или бытовые реалии, противоречит идее перевода: «<...> как показывает практика, переводчики стараются избегать прямых заимствований <...>. В целом эту тенденцию следует признать правильной, поскольку она направлена на сохранение и развитие внутренних ресурсов языка» [Алексеев, 2008, с. 17]. Таким образом, в переводе действует особый сознательный механизм потенцирования, направленный на избегание заимствования.

В то же время исследователи отмечают исключительное влияние английского языка, ставшего основным источником заимствований для русского языка на современном этапе [Крысин, 2008, с. 11–12]. При этом главными проводниками английских заимствований в русский язык сейчас служат средства массовой информации [Алпатов, 2007] и реклама [Суперанская, 2007]. Таким образом, в языке рекламы и СМИ заимствования единиц различных уровней языка будут присутствовать в большом количестве.

Например, в области словообразования особую активность в последние несколько лет приобрел заимствованный еще в XIX в. суффикс *-бельн-* / *-абельн-* / *-ибельн-*. Связано это как с увеличением количества заимствований с этим формантом (*комфортабельный*, *коммуникабельный*, *рентабельный* и др.), так и с необходимостью выразить присущее ему значение возможности / невозможности, для которого в русской словообразовательной системе нет специальных средств. При этом особый рост образований от русских основ с данным суффиксом отмечается в последние 3–4 года: если раньше слова типа *функционабельный*, *носибельный* имели определенные иронические коннотации («в речи возможны окказиональные, большей частью шуточные образования с этим суффиксом» [Виноградова, 2011, с. 161]), то сейчас такие новообразования начинают более активно и свободно употребляться: *максимально макабельно* – рекламный текст¹, *центр обороны разрывабелен*, *вполне едабельный завтрак* – язык СМИ².

Как мы уже упоминали, язык переводной поэзии не прибегает к заимствованиям, поэтому рассматриваемый суффикс не встречается в переводных поэтических текстах.

В то же время для языка современной русской поэзии характерно введение в текст иноязычных элементов (слов, словосочетаний, предложе-

¹ Реклама чикен макнагетс в Макдональдс.

² Репортаж футбольного матча и реплика ведущего в передаче «Орел и решка».

ний): *Рентабельно изысканно конструктивно темпераментно // метареалистично чѣртасдваждыдвабельно и увы* (Н. Искренко). Данное новообразование можно признать окказионализмом, так как оно представляет собой комплекс-сращение и создано с явной установкой на языковую игру.

Таким образом, этот и другие заимствованные форманты функционируют в языке оригинальной русской поэзии в качестве игрового элемента; в языке СМИ, рекламном тексте – в исконном значении, в текстах переводной поэзии заимствования не употребляются.

Таким образом, перевод поэзии как особая дискурсивная практика обладает следующими особенностями: отсутствием заимствованных языковых элементов (лексем, морфем и т. д.) и малым числом окказиональных форм с низкой степенью аномальности. В современной переводной поэзии действует сознательный механизм потенцирования, направленный на использование исключительно средств принимающего языка и реализацию новых словоформ, развивающихся заложенных в языковой системе возможности. Современная переводная поэзия является особой дискурсивной практикой, в которой максимально проявляется феномен потенциальности, обусловленный как языковыми факторами, так и особой моделью адресации на грани обычной коммуникации и поэтической автокоммуникации.

Список литературы

Азарова Н. М. Конвергенция философского и поэтического текстов XX–XXI веков: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 852 с.

Азарова Н. М. Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 225–233.

Алексеев М. Е. Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Материалы конф. М., 2008. С. 13–19.

Алтатов В. М. Английский бы выучил только за то... // Родина. 2007. № 9. С. 21–23.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М.: URSS, 2011. 184 с.

Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. 1999. Вып. 24. С. 107–122.

Демьянков В. З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докл. Междунар. науч. семинара. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Астрель, 2005. 636 с.

Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 69–90.

Комиссаров В. Н. К вопросу о сопоставительном изучении переводов // Тетради переводчика. 1970. Вып. 7. С. 46–50.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.

Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012. 322 с.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дисс. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 86 с.

Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики (морфологические ресурсы языка): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с.

Суперанская А. В. Русский язык начала XXI века // Журналистика и культура русской речи. 2007. № 3. С. 4–17.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка // Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. С. 23–121.

Фатеева Н. А. Предисловие ко второму изданию книги Г. О. Винокура «Маяковский – новатор языка». М.: URSS, 2006.

Article metadata

Title: Poetry translation as a specific discursive practice (based on the Russian translations of contemporary English poetry)

Author: M. A. Tarasova

Author's e-mail: masha.tarasova@mail.ru

Author affiliation: Institute of Linguistics of the RAS

Abstract: The article reveals the typological features of the language of translated poetry in comparison with the language of original poetry, the language of advertising and the media, addresses a number of language options, allowing to highlight this class of texts as a special discursive practice. The most important of them is the ability of modern translated poetic texts to reflect the

potentiality of the receiving language. The translations of modern poetry is characterized by a high concentration of potential words and forms.

It is also detected such important features of translated poetry texts as a lack of borrowed linguistic elements (lexemes, morphemes, etc.) and a small number of occasional forms. In modern translated poetry works conscious mechanism of the potentiation effect, aiming at the exclusive use of funds of the receiving language and implementing new word forms, developing resources inherent in language system.

Modern translated poetry is a particular discursive practice in which the most evidently realizes phenomenon of potentiality, conditioned by linguistic factors, as well as specific model of addressing on the verge of normal communication and poetic autocommunication.

Key terms: discursive practice, translation, poetic language, potentiality, occasionalism.

Reference literature (in transliteration):

Azarova N. M. Konvergencija filozofskogo i pojetičeskogo tekstov XX–XXI vekov: Diss. ... d-ra filol. nauk. M., 2010. 852 s.

Azarova N. M. Kriterij «adresat» v ustanovlenii granic pojetičeskogo diskursa // Logičeskij analiz jazyka. Adresacija diskursa. M.: Indrik, 2012. S. 225–233.

Alekseev M. E. Perevod Biblii kak faktor sohraneniya i razvitija jazykov narodov Rossii // Perevod Biblii kak faktor sohraneniya i razvitija jazykov narodov RF i SNG: Materialy konf. M., 2008. S. 13–19.

Alpatov V. M. Anglijskij by vyuchil tol'ko za to... // Rodina. 2007. № 9. S. 21–23.

Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom ruskom jazyke. M.: Logos, 2003. 304 s.

Vinogradova V. N. Stilističeskij aspekt rusского slovoobrazovanija. M.: URSS, 2011. 184 s.

Gončarenko S. F. Pojetičeskij perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost' // Tetradi perevodchika. 1999. Vyp. 24. S. 107–122.

Dem'jankov V. Z. Jazykovoje tvorčestvo i rečevaja kreativnost' // Jazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom: Sb. dokl. Mezhdunar. nauch. seminara. M.: Azbukovnik, 2009. S. 11–19.

Efremova T. F. Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic rusского jazyka. M.: Astrel', 2005. 636 s.

Kade O. Problemy perevoda v svete teorii kommunikacii // Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. S. 69–90.

Komissarov V. N. K voprosu o sopostavitel'nom izuchenii perevodov // Tetradi perevodchika. 1970. Vyp. 7. S. 46–50.

Krysin L. P. Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah: Očerki o rusской leksike i leksikografii. M.: Znak, 2008. 320 s.

Radbil' T. B. Jazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie. M.: Flinta, 2012. 322 s.

Revzina O. G. Sistemno-funkcional'nyj podhod v lingvisticheskoj pojetike i problemy opisaniya pojeticheskogo idiolekta: Diss. v forme na-uch. dokl. ... d-ra filol. nauk. M., 1998. 86 s.

Remchukova E. N. Kreativnyj potencial ruskoj grammatiki (morfolo-gicheskie resursy jazyka): Diss. ... d-ra filol. nauk. M., 2005.

Sokolova O. V. Tipologija diskursov aktivnogo vozdejstvija: pojeticheskij avangard, reklama i PR. M.: Gnozis, 2014. 304 s.

Superanskaja A. V. Russkij jazyk nachala XXI veka // Zhurnalistika i kul'tura ruskoj rechi. 2007. № 3. S. 4–17.

Tynjanov Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka // Tynjanov Ju. N. Lite-raturnyj fakt. M.: Vyssh. shk., 1993. S. 23–121.

Fateeva N. A. Predislovie ko vtoromu izdaniju knigi G. O. Vinokura «Majakovskij – novator jazyka». M.: URSS, 2006.